

ПОРА ПОДУМАТЬ О ДУШЕ...

Поэтов никогда не бывает много. Их и не должно быть много по самой редкой, ничем не заменимой природе поэтического дарования. Пишущих стихи - всегда много, но поэтов мало. Потому этот дар особенно и драгоценен. Ведь поэт - вовсе не тот, кто говорит рифмованной, неестественной речью, а тот, кто с помощью нее добирается до естества человеческого, до его духовной природы. Поэт придает высший смысл человеческой жизни, во всяком случае, напоминает о нем, без чего, говоря словами Н. Гоголя, человек превращается в «материальную скотину» ... К сожалению, прежде чем представить поэта, автора стихов, вошедших в эту книгу, Раису Котовскую, совершенно необходимо сказать о нынешнем положении поэзии, о беспрецедентном состоянии культуры и литературы в наши дни. Поэзия, судя по декларациям, самое желаемое в обществе, но вместе с тем наиболее жестоко гонимое и беспощадно вытравляемое. Можно сказать, что весь двадцатый век в России, за исключением краткого послевоенного времени, прошел под знаком «освобождения» от культуры. Во имя, разумеется, «прогресса», как якобы более драгоценного, чем культура. То есть средство жизни выдается за ее цель, что создает искаженную картину человеческого бытия. Логика тут во все времена одинакова: «Культура связывает, ограничивает, культура консервативна - и чем она богаче, тем консервативнее...» По этой революционной логике поэт выставляется разрушителем традиции, в то время, как он по самой природе его дарования - ее хранитель, так как он - сын гармонии. И все - вроде для более совершенного устройства жизни. Но эта революционная логика уже обнажила со всей определенностью, что это путь не устройства человеческого бытия, но его разрушения...

Цивилизация, как понятно, всегда мстит культуре, мстит за свое бессилие в постижении всей сложности человека. И ее месть оказывается пока беспредельной. Во всяком случае, она дошла до положения, когда литература оказалась изъятой из общественного сознания, подменена тем, что ею не является.

Извечный спор в русской литературе поэта и черни, поэта и журналиста, книгопродавца, гражданина - в стихах А. Пушкина, Лермонтова, Н. Некрасова - сменился тотальным торжеством черни, то есть людей, забывших о своем высоком предназначении, для которых «печной горшок» оказался дороже. Безнаказанным для всех без исключения, это, конечно, остаться не может.

Есть ли сегодня кризис поэзии? При таком духовном насилии над человеком его не может не быть. И все же это главным образом кризис не поэзии, а чего-то иного, может быть, кризис социального устройства, когда на пути технического распространения поэзии меж людьми сознательно и неосознанно, «по убеждению» ставятся непреодолимые препоны. Те средства цивилизации и коммуникации, которые вроде бы должны способствовать совершенствованию человека уже давно работают против него, принижая и умаляя его, а человеческое сообщество пока еще не может найти выхода из этого тупика. Но поколение, не различающее своих поэтов, не хранящее дух народный и человеческий, обречено.

Теперь поэту, как никогда, одиноко и бесприютно среди дичающего под бременем «цивилизации» мира. Пытает «насмешливый дух одичалого мира и злобы минувшего дня» и Раису Котовскую:

**Он шепчет о том, что меня обманули,
Ограбив средь белого дня,
Из песен, что пела я, вылили пули
И ими убили меня...**

Раиса Котовская бережно несет непростую участь поэта, не поддаваясь земным искушениям, удерживаясь в пределах традиционных представлений о предназначении поэта. Она и сама говорит об этом: «Поэзия никогда не была для меня самоцелью - она была для меня только средством поиска Истины». Об этом - и в ее стихах:

**Нет, не автор я, а исполнитель
Музыки, мятущейся во мне.**

Со страниц ее книги дышит такой родной, дорогой, щемящий мир, которого, казалось, уже давно нет на свете:

**Степь. Знакомые сердцу могилы.
Вся еще золотая стерня...
Память детства и родины милой
Незаметно обнимет меня.**

Мне довелось обнаружить дарование Раисы Котовской рано, в самом начале ее развития, в Литературном институте. Тогда я точно знал, что на всем нашем курсе выпуска 1982 года - всего два поэта, одним из которых и была Р. Котовская. Теперь, когда прошло более двадцати лет, это только подтвердилось.

В последнее время поэтесса пишет больше духовные стихи, к счастью, не впадая в назидательность. Но в связи с этим хочется уточнить смысл происшедших с нами в последние годы перемен. Декларативно все вроде бы обращено к человеку. На самом же деле предпринята новая попытка обуздания его духа, естественно в иных идеологических мотивациях, ибо, как известно, дьявол дважды в одном и том же обличье не приходит. Здесь, как века высются стихи Владимира Соколова, вне зависимости от того, расслышаны они или нет: «Я устал от двадцатого века, от его окровавленных рек, и не надо мне прав человека. Я уже почти не человек...» В таком странном положении только духовный стоицизм поэта оправдан, хотя ситуация провоцирует его на пересмотр его поэтического хозяйства. Пересмотра никому не нужного, так как «сущность поэзии, как всякого искусства, неизменна» (А. Блок). Скажу и далее словами А. Блока, «могут устареть его язык, его приемы; но сущность его дела не устареет» ...

В этом возвращении к вере дедов и отцов, что естественно и благотворно, Раиса Котовская, безусловно, отражает положение художников России в ее безбожные времена. И если старшее поколение писателей тут быстро «нашло» ответы, то ее поколение познает все муки возвращения. К примеру, Виктор Астафьев: «Истоки истинного понимания христианства - не официального государственного, а из глубины народной, из корней народных...» В таком противопоставлении государственного и народного христианства и кроется та червоточина, которая и привела писателя к творческой трагедии. Родившийся и живший в атеистические времена, для которого одинаково далеко было и государственное, и народное христианство, он между тем знал, что их «надо» противопоставлять для пущей прогрессивности... Даже не задавшись вопросом: если государственное христианство было столь «консервативно», почему оно так свирепо искоренялось в России? Видимо, писатель «из народа» и сам не осознавал того, что таким противопоставлением он оказывался заодно с гонителями христианства. Здесь - какая-то игра в народность, а не собственно народность.

Но был ли поворот, отрыв от интернациональной идеологии к народной? Был, но не на том обличительном пути, который обозначен В. Астафьевым, а на ином. В поэтическом творчестве поэтов послевоенного времени. К примеру, в стихах Сергея Орлова. Его строки стоит здесь привести, так как они имеют значение знаковое:

**Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близко чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось – у меня душа,
И с этим надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века.
Душа болит. Что делать мне с душой?
Или душе что делать с человеком?..**

Естественно такое, как у Астафьева, «разрешение» проблемы предложило ее на души художников последующего поколения, познавшего не только муки безверия, но и муки возвращения к вере, ибо оно, возвращение, хотя и представляет единственно возможный путь, но по природе своей неестественно, ибо является следствием времен атеистических... То есть возвращение к своей вере не такое простое, как это представляется многим. И это постигается в стихах Раисы Котовской:

**Я искала Родину на родине,
Свет во мгле и Небо – на земле...**

**...Тем, кто видел Свет во свете Истины,
И слова не надобны уже...**

Но в русской литературе живет несколько иное соотношение, прозренное юным Михаилом Лермонтовым. Приведу его стихотворение «Молитва»:

**Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум, далекий от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Все сожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.**

И при этом, скажу словами Николая Скатова, Лермонтов «никогда не усомнился в абсолютности самого бытия Бога и в этом смысле избежал какого бы то ни было атеизма.

Раиса Котовская работает в лучших традициях русской литературы. Неустрашимая трагичность бытия, боль души и тревога за ее участь в этом мире, ответственность за слово - светятся, пожалуй, во всех ее стихотворениях:

**Есть слова - отболевшие, что ли? –
Только ветер их тронет едва –
И они улетают без боли,
Словно с веток осенних листва...
А мои улетают, как птицы,
Холодами гонимые прочь,
Отступая до самой границы,
Где никто им не в силах помочь.**

Она к счастью рано постигла предназначение поэта среди людей, пересматривать которое при каждом новом, предлагаемом искушении, нет никаких оснований.

**Пора подумать о душе,
А значит, друг о друге...
Такие вызрели уже
Убийственные вьюги...**

Мне больно и радостно перечитывать ее стихи. А еще - боязно за человеческую душу среди злых сил этого мира, надежду которой подает только вера и поэт, постоянно упраздняемый пред якобы большей значимостью бедных задач цивилизации. Но, слава Богу, поэт остается с нами, так как его дело не устаревает.

Лишь тронется ветер - и снова
Во тьме померещится куст.
И снова горелое слово,
Как пепел, срывается с уст.
И вновь рассыпается прахом
Над Родиной древней моей...
Но сердце не чувствует страха
В земле раствориться, на ней.
Оно уже так изболело,
Россия, о нашей судьбе,
Что радо и бренное тело
Отдать напоследок тебе.
Но держит какая-то сила,
Как будто я в этих снегах
Оставила что, позабыла,
А что - не припомню никак...

Отцовски дом

Я уже спокойна и свободна
От всего с названием «се ля ви».
От ревнивой дружбы подколодной,
От земной припадочной любви...

Да не в их зеленые пенаты,
Где смеется шелест молодой,
Я вбежала русая когда-то?
Выхожу усталой и седой.

И, своя для нищих и убогих,
Об одном лишь думаю в пути:
Лишь бы не загинуть по дороге!
Лишь бы крест до места донести.

Воронье над Россией охрипло,
Зло пророча нашествие зла...
Только вера - она не погибла –
Словно Китеж, под воду ушла.
Только чувствуем мы то и дело
И в застое, и в смуте большой,
Что душа, разлученная с телом,
Оказалась в стихии чужой.

Только прошлого сколки и глыбы
В знак еще небывалой беды
То и дело всплывают, как рыбы,
Из отравленной мутной воды.

Давно свечерело. Уснула квартира...
Но вновь донимает меня
Насмешливый дух одичалого мира
И злобы минувшего дня.

Он шепчет о том, что меня обманули,
Ограбив средь белого дня,
Из песен, что пела я, вылили пули
И ими убили меня...

Он путь указывает короткий и скорый
К богатствам, не нужным душе.
И я поддаюсь на его уговоры
И месть замышляю уже...

Но встану. Но выйду из сферы гипноза.
Я знаю, что мне повезло,
Когда набегут благодатные слезы,
Чтоб смыть закипевшее зло.

СТИХИ О КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ

Где ты, казачество южной земли?
В травах, пыли и печали
Грозно-веселые песни твои
По хуторам отзвучали.

Только начнет их мой дед распевать,
В удали слышу тревогу,
Словно хотят они смерть запугать
Бранной отвагой с порога.

В них, будто в браге, когда затворен
Чан, я движение чую:
В поисках лучших краев и времен
Бродят, воюют, кочуют...

Что посулили молва и цари,
Много каких привилегий
В этих краях? И сюда повезли
Переселенцев телеги.

Здесь и оставлены были, как знак
Миру, что каждая кочка
Скарбом, младенцами, лаем собак
Занята Русью - и точка.

Что там в былом? Героический страх,
Труд, и бои, и невзгоды,
Да в справедливых неравных боях
Смерть за свои огороды.

Но казаку-то рыдать не к лицу.
Вот он и пел! Как известно,
Чем тяжелее живется певцу,
Тем задушевнее песня.

Пора подумать о душе,
А значит - друг о друге...
Такие вызрели уже
Убийственные вьюги.
Такие созданы тишком
Убийственные грозы,

Что нет сомнения ни в ком:
Не лгут уже прогнозы;
Что нужно мужество уже,
Чтобы на этом круге
Всерьез подумать о душе,
А значит - друг о друге...

РАССАДА

Февраль. Парад. Железный флаг
На серой башне, словно флюгер.
Настороженный снегопад,
Как занавес стоит в округе.

И сердцу холодно вдвойне
Вблизи весны с ее разладом...
Но мать разводит на окне
В зеленом ящике рассаду.

Ее веселые ростки
Глядят в окно сквозь занавески,
Приподнимаясь на носки
И любопытствуя по-детски.

И ждут тепла. А там несет!
Взгляну на стебель и обнаружу:
Все это, кажется и все,
Что с жизнью связывает душу.

Сестер полуголодная орава
Затеет о нарядах зряшный спор —
И мама тихо вымолвит, бывало:
«Мы строимся - какой тут разговор?»

Мы строились. Родителям по силе
Мы помогали в ревностном пылу.
Саман месили и кирпич носили,
А поздно ночью спали на полу.

Мне снился дом высокий и красивый.
И я не знала, что не мне одной.
Недоедая, строилась Россия,
Израненная страшною войной.

Мама до света вставала,
Выбегала за порог
И золою посыпала
Скользкий утренний ледок.

Шла с ведерком по метели
С бугорка на бугорок...
Что ты, мама, в самом деле?
Ведь до школы путь далек!

Ты б до самой школы, сжались,
Тропку выстлала золой,
Если б люди не смеялись

Над тобой и надо мной!..

Далеко, как будто с вышки,
Вижу: в белой полумгле
Мама в стареньком пальтишке
На заснеженной земле.

Мама стелет, стелет, стелет.
Посыпает на ледок...
Что ты, мама, в самом деле,
Погляди, как путь далек.

СИНИЙ БЕРЕТ

Мама купит мне синий
Немодный берет
(Вот на что она деньги копила!)
Тот, который себе в молодые года
Так хотела купить - не купила...

Выйдет на люди
Вместе со мной, оглядев
Весь мой облик чужими глазами,
Просветлеет, довольная делом своим:
Я не хуже людей на базаре.

Тетя Валя ей встретится. Заговорят.
Буду рядом стоять не мешая.
Мама скажет, взглянув на берет:
«Это дочь»
Тетя Валя похвалит:
«Большая».

Тетя Паша ей встретится. Заговорят.
Снова буду стоять не мешая.
Мама скажет и ей:
«Это младшая дочь.»
Тетя Паша похвалит:
«Большая.»

Толку в том, что большая...
Но счастлива мать.
И стою, что княжна на портрете;
Воплощением маминой синей мечты
О достатке, красе и берете.

А маме ночами не спится.
Подолгу сидит у огня
И пишет письмо мне: боится,
Что люди обидят меня.
Что жить постепенно устала,
Но больно ей не оттого –
Хорошего видели мало
И дети не видят его.
Я тут же спешу нарядиться
И еду в родные края.
Пускай поглядит, убедится:
Богата и счастлива я!

Лишь доброе помня и вторя,
Войду я в родное жильё.
Для матери дочкино горе
Намного больней, чем свое.
Я маму храню с опозданием
От позднего знания зла,
Как мама от раннего знанья
Когда-то меня берегла.

Мама штопала. Пламенем острым
В темной печке краснели дрова.
Перессорившись, старшие сестры
На скамейке плели кружева.

Мимо снежная буря летела.
В окнах белая хмара плыла.
Мать на нас незаметно глядела
И пытливые речи вела.

Кто крутился вчера у калитки
В пиджачишке и в шапке большой?
Ладно, если повадился к Лидке,
Ну а ежели к нашей старшой?

Мать тревожилась. Сестры молчали.
Слышим - стук. Вроде некому быть...
Поняла я: дожди постучали
И отправилась дверь отворить.

Вышла, вижу: прорехи проталин
Мама штопает в мартовском дне.
- Показалось? Иль вправду стучали?
- Показалось... Но это ко мне.

Птичьим гомоном даль говорила,
Таял лед и помалкивал сад.
Я какую-то дверь отворила
И уже не вернулась назад.

Все пройдет.
Мы еще пожалеем,
Что от солнышка прятались в тень...
С мамой семечки мы перевеем,
Только выдастся ветренный день.
Тяжко зернышки лягут в тряпицу.
Гляну вдаль - и легка, и тиха,
На ветру, кувыркаясь, кружится
Шелуха, шелуха, шелуха...
В этой стае, знакомо мелькая,
Улетает - в какие края? –
Лишь вчера дорогая такая
И хваленая верность твоя;
Неудачи мои и удачи,
Песни, клятвы, ночная гроза,
Годы юности... Нет, я не плачу –
Шелуха засорила глаза.

«Мама», «папа» ...
Губы отвыкают
Лепетать заветные слова
Всеуе...
Но однажды припекает:
Жизнь - она по-своему права.

И опять соскучишься знакомо:
Родина, родители, покой...
И крыльцо родительского дома,
Как живое, трогаешь рукой.

Год прошел - и больно оглядеться:
Год неурожайный, трудный год...
Но молчишь: родительское сердце
Бережешь от всех своих невзгод.
Может, и напрасно: чтоб на свете
Жить им от весны и до весны,
Нужно знать и верить им, что детям
Позарез родители нужны.

Работа, любовь, расставанья,
Порою — пустое житье...
Я юность прочла без вниманья,
Не вникнув в значенье ее.

Там ветер раскачивал сливу
В неярком и позднем цвету.
Припомню я все терпеливо
И снова сегодня прочту.
Страницу, где горестно плача,
Наивно решаю вопрос:
Так что же на свете я значу?
Напрасно. Не стоило слез.

Пусть жизнь мою ветер листает
С начала, а после - с конца!
Работа, любовь...
Облетают
Цветы у родного крыльца.

Ах, мама! Ну, здравствуй, родная...
Но долго из давнего дня
Глядит она молча, седая,
С трудом признавая меня.

Отчий дом

Не стало мамы...
Что со мной?
Опять на склоне дня,
Как в детстве, слышу я:
«Домой!» -
Она зовет меня.

И выхожу я за порог,

Иду среди зимы,
Среди разбоя и тревог,
И пагубы, и тьмы...
И в храм вхожу,
Где Божья Мать
Покров простерла свой.
И начинаю понимать,
Где он -
Мой дом родной.

Встану утром, оденусь, умоюсь.
В сад окошко свое растворю.
И, высокую, в тучах по пояс.
В низком небе увижу зарю.

Нынче будет мое воскресенье.
Здесь, когда я девчонкой была,
Под ветвистою вишней весенней
Щебетливая птаха жила.

Я тогда второпях уезжала,
Покидая родное жильё.
И за мной до вокзала бежала
Надоевшая песня её...

Сколько лет пронеслось, как мгновенье!
Я летела, не помня уже,
Что за свет притупил мое зренье,
Что за шум застоялся в душе?

А вчера воскресенья не вышло.
Помешали уже не дела –
Исплодилась и высохла вишня
И пичуга, поди, померла.

Молча вслушаюсь в крик петушиный
Или вчувствуюсь в песнь соловья –
Всюду пахнет дождем и крушиной.
И волнуется память моя.

Вновь рождаешься. Мучится болью –
Он, тебя исторгающий мир...
Видишь фото. На фото - застолье,
Словно жизни таинственный пир.
На руках восседаешь отцовых
В бантах вся, как сиреневый куст.
Взгляд младенческих глаз леденцовых,
Словно небо апрельское, пуст.
Это - детство твоё. А подальше,
В окруженьи дневного жулья
И поет, и цыганочку пляшет
Оскорбленная юность твоё.
И глядит на неё сквозь усталость
Зрелость трезвая... И в уголке
Примостилась забытая старость

В скромном, темном, немарком платке.

Те же яблони в цвету,
Улицы все те же...
Только будто бы не тут
Детство шло... Но где же?
В той стране, где я росла,
Все чудней и ярче:
Дни, кварталы и дела,
Яблони и дачи...

Вспомню я в который раз
Юность, путь без цели,
Трепет рук твоих и глаз
Молодую зелень, -
И догадка, ослепя,
Обожжет, что все же
Я любила не тебя...
Но тогда кого же?

То ль привиделось во сне,
То ли вправду было,
Изменила ль память мне,
Я ль ей изменила,
Не пойму я иногда,
Жизнь чужую прожив:
Да жила ли я когда?
Если - нет, то кто же?

УЧЕНИЧЕСТВО

Вот стою, поддакивая туго
И хвале горячей, и хуле,
Слушая уныло, как подруга
С чувством говорит о барахле.

Зря стараюсь. Скажет: «Неречиста,
Взгляд уклончив, вздохи невпопад...
Это признак совести нечистой», -
Так об этом люди говорят.

Я-то знаю: в нашем коллективе
Мойщиц, слесарей, проводников
Нету никого меня счастливей
И глупей от песен и стихов!

Но молчу. Упорно, ежечасно
Заметаю все свои следы
В деле соучастия в прекрасном.
И жива предчувствием беды,

Плачу над судьбой осенних кленов,
Подбирая желтые листья...
Что мне делать с ним - с неразделенным
И болящим чувством красоты!?

ПРОВОДНИЦА

Гремя на стыках, поезд мчится.

В вагоне тусклый свет стоит.
Белье считает проводница
И недоверчиво глядит.

Она устала, отвечая
За всех подряд и всем подряд,
Где вечно требуют, скучают,
Острят, качаются, сорят...

О чем, скажите правды ради,
Хлопочет ночи напролет
Она с подругой по бригаде?
Непосвященный не поймет.

Я тоже в прошлом - проводница.
И мне ль не знать ее забот!
Я тороплюсь посторониться,
Когда она чай несет.

НОЧЬЮ

Постукивает дверь. Летим и спим.
Стоянкою порой обеспокоен,
Очнется пассажир: «Зачем стоим?»
И вновь уснет, закрыв лицо рукою.

Скользнут пристанционные огни –
И по вагону облако промчится,
Высвечивая простыни, ступни,
Уснувших обезволенные лица.

И явно я увижу над собой
Сквозь беглое неясное свечение
Судьбу, соединенную с судьбой,
И снов людских безмолвное течение...

Но, преодолевая их гипноз,
Опять схожу с подножки на стоянке.
И вновь меня на каждом полустанке
Легко встречает утренний мороз.

ПО ШПАЛАМ

А паровоз - косматый, словно леший, -
Глядит из-под нечесаных дымов
И знает: шпалы сделаны для пеших,
А рельсы - для колес, для поездов.

Железный путь, взвивающийся круто.
Железный путь без края и конца...
Но пахнут шпалы хвоей и мазутом
Как, помню, пахли руки у отца.

Когда, едва явившись на рассвете
И вымыв руки с мылом во дворе,
Вручал он леденцовые конфеты
В ревнивые ручонки детворе.

Иду по шпалам. Тает над полями
Лучей июньских нежное тепло.

Перемигнусь с далекими огнями –
И на душе спокойно и светло.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ПОЛОТНО

Мчалась в ночь по железным дорогам
И по шпалам шагала одна:
На «железке» отмерила много
Я когда-то того полотна.

Мне на многое этого хватит.
И, пока я хожу и дышу,
Не одно я железное платье,
Не одни башмаки изношу.

Узнавая о счастье и горе
Самых разных людей, доберусь
К побережью великого моря
С ослепительным именем «Русь».

Где под звездным шатром небосвода,
Чуть колеблема рябью имен,
Спит душа золотого народа
В синей чаше минувших времен.

Гляжу на небо то и дело,
На лес и облако вдали –
Простор и воля! Полетела б,
Но не подняться от земли.

Как в клетке пойманная птица,
Сама не ведая того,
Душа, плененная томится
В темнице тела своего.

Извините, не знаю
Да и знать не хочу,
Кто кому изменяет,
Разодевшись в парчу,
Кто с соседом повздорил,
Кто кого укорил,
Кто кого объегорил,
Кто кого обдурил,
Кто не вычистил слякоть
Или снег на крыльце...
Не мешайте мне плакать
О «своем мертвце» -
О душе обольщенной,
О бездумных стихах,
О своих не прощенных
И забытых грехах...

... А в Минеральных Водах что ни год —
Зов поездов и запах гари свежей.
Открыт аэропорт, снует народ
Все больше мимолетный, мимоезжий.

А мне не по себе среди него
С моей ревнивой преданностью этим
Домам, полузасыпанным листвою,
И старикам на лавочках, и детям...
Я здесь себе построила жилье.
Сюда я с полдороги возвращаюсь.
Здесь детство неразумное мое
Когда-то, как ребенок, затерялось.

Хожу, ищу по ближним хуторам,
Зову его - ни отклика, ни плача.
И только песни слышу по дворам
И новые, и старые - казачьи.

Снежная завесь...

Снегопад, на дворе, снегопад...
Вышли вроде бы зимние сороки,
А всю ночь на фонарь одинокий
Хлопья мокрые тихо летят.
Целый мир заслоня, там и тут
Мельтеша, словно снежная завесь,
То обиды, то ревность, то зависть
Меж людьми то и дело снуют...
Все же я повторяю: нельзя
Видеть только лишь сеть снегопада.
Ведь она пронизываема вся
Для широкого щедрого взгляда!
Ведь не зря, наплывая в тиши,
Тают хлопья, во тьме растворяясь,
Каждый миг ненароком касаясь
То лица твоего, то души...

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Что за кличка - «поэтесса»?
Не желаю и врагам...
Лучше в роли критикессы
Грозно слыть по литкругам,
Иль попасть в номенклатуру,
Чтоб в какой-то из газет
Все заведовать культурой,
Где ее в помине нет.
Так служить в печати надо,
Чтоб не знал тебя никто...
Дозировщицею правды
Скажем, где-нибудь в Лито,
Иль редакторшей угрюмой
И в достатке, и в тепле
С государственною думой
На ухоженном челе.
Безмятежную халтуру
Издавать, являя власть...
Нет, попасть в литературу –
Что в историю попасть!
И читать в каком-то взгляде
Искаженный облик свой:
Ведьма взвинченная, сзади
Оперенная метлой!
То заплачет, то засвищет,

То сверкнет улыбкой злой
То ли нож за голенищем,
То ли месяц под полой...

Цветущий летом и зимой,
В костюме цвета пыли...
Да ты ли это, милый мой?
Неужто подменили?
Ты нынче в славе,
Как в репьях.
Испытывая скуку,
При встрече сунешь второпях
Захватанную руку:
- Ну как дела?
- Да так себе...
И вновь посторонился...
Я помню всех,
Кто пал в борьбе.
Кто тихо опустился.
И ты в толпе исчез затем,
Кивая, приседая:
Когда я ем, я глух и нем,
А ем теперь всегда я!
Нет, не случилось ничего.
Но... прожито так мало.
А вот уже не одного
Я друга потеряла.

*Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь...*

А. Ахматова

Когда впотьмах, сбивая с толку силой,
Пошаривает ветер низовой,
Сорит в глаза, попахивает псиной,
Пошаливает, словно домовой, -
Я устремляюсь к Вашему таланту,
Преодолев пугающую высь,
Где царствует, строга и элегантна,
Свободою воспитанная мысль.
Где выстрадана жизнь и соразмерна
Земным путям и Млечному Пути,
А свет ее, и сдержанный, и верный,
Не застит путь, которым мне идти...

В ТЕ ДНИ

В те дни уже я стала привыкать
Всем потакать, казаться интересной,
Терпеть, спешить, стараясь занимать
Как меньше воздуха и места;
С годами тяжелея на подъем
К вершинам независимого духа,
Ворчать, как одинокая старуха
Ворчит на жизнь над скисшим молоком.
И даже очутилась где-то там,
Где, всем не по заслугам воздавая,
За доброй славой ходит по пятам,

Как тень ее, - недобрая, дурная.
Короче - к полдню, к вечеру - длинней
Влеклась за мною тень самовлюбленно...
Тогда-то и повадилась ко мне
Захаживать ученая ворона.
Мы с ней сошлись. Она была стара.
К тому же перевидела немало.
И все ж была сторонницей добра,
Как я его в то время понимала.
Но нравилось ей часто, между тем,
Назвав меня больной и несчастливой,
Поддакивать моей неправоте,
Подзуживать на гнев несправедливый.
И жизнь она расхаивать могла
Так заинтересованно и притко,
Как будто на уме ее была
На этот счет житейская прикидка.
И дом, родимый опротивел мне.
Все рушилось, что склон в лесном овраге,
Маячил дождь в распахнутом окне
И ветруган обыскивал бумаги.
И мысль моя ворочалась в песке
Сомненья безысходного, пустого.
Вся жизнь моя была на волоске
От дикого посмешища людского.
Дорог не разбирая, в никуда
Любовь влеклась и неприязнь стремилась...
Довольно! Валят дерево туда,
Куда оно когда-то накренилось.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Публика усталая и хмурая
В электричке ехала. И в ней
Нянчилась девчушка белокурая
С куклою красивою своей.
«Доченька, усни, моя хорошая!» -
Вдруг касалось слуха иногда...
Мимо, заметаемы порошею,
Дико проносились поезда.
И тогда дурное что-то, стылое
Оглушало чувство бытия.
А потом - опять: «Родная, милая,
Куколка хорошая моя...»
И, дыша в глаза ее порошние,
Безотзывно, нежно и светло
Все дарила девочка тревожное,
Странное, ненужное тепло...
И сидела сумрачно и слепо я,
Видя сквозь закрытые глаза
Жизнь свою большую и нелепую,
Слушая привычно тормоза,
Зная, что за окнами зарыскали
Пригороды, башни, а левей –
Кабаки, стоящие изысканно
По местам порушенных церквей;
Что поодаль место обозначилось,
Где себя я тихо прожила,
Словно с куклой глупою пронянчилась -

Все тепло ей даром отдала...
Что же ты, мечта невосполнимая,
Мучаешь меня?
Но слышу я
Это, душу жгущее: «Любимая,
Куколка хорошая моя.»

На битой дороге
Трава не растет.
В испытанном сердце
Цветы не цветут.
Захочешь любить,
А в душе - гололед.
Захочешь запеть –
Изнурительный труд.

Отравой горчит
Народившийся лист
И колет глаза
Пролетающий снег.
Вся дружба твоя –
Иронический свист.
И выплачка даже
Похожа на смех.

Беречь надо было,
С начала беречь
Пространства души
И цветов в них не мять...
О том умолчала
«Родимая речь»,
О том не посмела
Обмолвиться мать.

*Господам, князьям кони дадены,
Моему ж дружку коня не дали.
Ах, милой, милой, ты возьми меня,
Заложь меня и купи коня.*

Из русской народной песни.

Ничего не понимаю
Сердцем, выжженным до дна...
Я сегодня вспоминаю
Судный день Бородина.
Тишина и потрясенье.
Погорелище молчит.
Только тема воскресенья
Песней русскою звучит.
И, отвыкшая, внимаю,
Неумело к ней тянусь...
Нет, не молкла, как немая,
Онемеченная Русь –
Пела, пела в пораженьях,
В глухомани лет и мест!..
Черный дым былых сражений
До сих пор нам очи ест.
Ест! Но сказочною птицей

Восстает из ничего
Обожженная столица
Сердца, сердца моего.

Пузатые кресла,
Хрустальные люстры...
И, кресла заняв, как посты,
Нарядные люди
На встречу с искусством
Явились и ждут «красоты».

Вот девушка вышла
В дешевых сапожках
На сцену, где нет берегов.
Трепещет в ее
Полудетских ладошках
Воробышек первых стихов...

Что ж, может быть, вы
Проживете без песен,
И песни без вас - не впервой!
Но этот воробышек
Тем интересен,
Что он - совершенно живой.

«А где ж красота?!» -
Возмущаясь резонно,
Заладите каждый свое...
Да что тут попишешь?
Она не виновна,
Что вы не узнали ее.

БЕС

В дверь постучал мою будничным днем
Некто со взглядом поганым.
Шустрый, пугливый и туфли на нем
Юркие, как тараканы.

- Фотографирую! Нужен портрет?
- Нет, - отвечаю, - покуда
Здесь ни невест, ни покойников нет...
Что же молчали вы? Будут!

Вечером он постучался опять...
Зреет вопрос нехороший:
То ли он замуж пришел меня взять,
То ли решил... ужокошить?

Что ты мечешься в сумрачном поле?
Что петляет твоя колея?
Променяла на вольницу волю
Дорогая супруга твоя.

Там ищи, куда ветер подует
И течение куда занесет

Продувную твою дорогу,
Ту, что больше никто не спасет...

Страшно знать, что не войны, не горе
Повалили семейный очаг,
А гульбы разливанное море
В полоумных крикливых ночах.

Так беги за стихией вдогонку,
Коль лишился пути своего
До скончания... Жалко ребенка
За немое сиротство его.

Сыт он вами, как горькой отравой,
Чтоб однажды в детдоме понять,
Что лишен он сыновнего права
На любовь - на отца и на мать.

А пока он, приемыш Отчизны,
Неголодный, одет и обут,
Терпеливо растет, некапризно,
Как забытые травы растут.

Завтра праздник. Всполощутся флаги
Мальчик краской измазался, рад.
Что цветок смастерил из бумаги –
С ним он завтра пойдет на парад.

Он в толпе потолкается тесной
И, с людьми ощущая родство,
Будет бравые слушать оркестры
Одинокое сердце его.

ДВОРНИК

«Подними! Обронила листок!» -
Я березке скажу и на миг
Мне покажется вдруг, что листок –
Пожелтевший ее черновик...

Но березка его не берет:
Отжило — не приклеить вовек...
Сплю и слышу, как листья метет
Одиноким, больной человек.

По асфальту метелкой скребя,
Жжет костры, наклонясь тяжело.
И бормочет почти про себя:
«Не приклеить. Навек отжило...»

ПЕСНЯ

Рябина красная, златолиственная,
Зачем в пустом лесу одна горишь?
Что под ветрами ты теперь, как пьяная,
Все сокровенное мне говоришь?
Гляди, пожалала я не то, что сеяла,
А время быстрое уходит прочь...
И ходит по небу луна осенняя,
Как медный маятник из ночи в ночь.

Слепы, глухи давно леса стоят стеной,
Зимой напугана, слегла трава...
Не спи, рябинушка, поговори со мной,
Пока горишь еще, пока жива.

* * *

Есть слова - отболевшие, что ли? –
Только ветер их тронет едва –
И они улетают без боли,
Словно с веток осенних листва...

А мои улетают, как птицы,
Холодами гонимые прочь,
Отступая до самой границы,
Где никто им не в силах помочь.

Потому, когда снова с тревогой
Глянет осень, неровно дыша,
Собирается сердце в дорогу
И предчувствует гибель душа.

Облетели леса, обмелели.
Дно у них, как у ближних полей,
Все в снегу. Лишь глубокие ели
Сбились в кучу, чтоб было теплей.

Все тебе о себе рассказала.
Но ни отзвука нет - тишина...
Как душе моей холодно стало,
Обнаженной до самого дна!

Беспредметное чувство утраты
В ней зияет, как утренний снег...
А слова улетели куда-то,
Может, на зиму,
Может, навек.

И мой бы день был тих теперь и светел,
Когда бы в предрассветной синеве
Вдруг не прошел, вздыхая тихо, ветер –
Босой - по колкой высохшей ботве.

Он шел и думал, что никто на свете
Не слышал, как вздохнула полумгла...
Я и теперь не знаю, был ли ветер,
Но знаю я, что музыка была.

Какая сила музыку исторгла
Из вечной тишины и улеглась?
Но все во мне вскипело до восторга
И в сердце чья-то боль отозвалась.

И я уста невольно разомкнула,
Но тихий, жалкий звук произнесла.
Ту музыку, что жизнь в меня вдохнула,
Пыталась повторить и не могла.

То ли думала, то ли мечтала,
Про себя повторяя тайком,
Что мне пламя свечи нашептало
Исступленным своим языком.

И за шепотом, трепетом, треском
Золотого, ночного огня
Не расслышала, как перелески
Расцвели и глядят на меня...

Вот как вышло! По белому свету
Не один раззвонила секрет...
Только в том ни вины моей нету,
Ни заслуги, тем более, нет.

ПОХОЛОДАНИЕ

Мне добрый друг принес дурные вести,
А я сказала: «Будет, старина!»
Давай поблагодуетствуем вместе
За чаркой прасковейского вина.

У дома осень поздняя стояла.
Туман да сырость - ничего вдали...
Мы яблоки достали из подвала,
Наговорились, душу отвели.

И говорить старались не о мелком,
Чтоб мелкие заботы отпугнуть,
А, скажем, о летающих тарелках,
О смерти и о гениях чуть-чуть.

Дрова горели с трепетом и треском,
Когда в оцепенелой тишине
Как будто кружевную занавеску
Задержнул кто снаружи на окне.

Большая сила мертвая стояла
В тот миг за нею - Это был мороз.
Мы вышли в ночь. Вселенная сияла
Кристаллами прорезавшихся звезд.

Мы вышли в ночь и сразу замолчали:
Она была прекрасна, велика.
Мы устыдились маленьких печалей,
А крупных не предвиделось пока.

Шум и шорох дождя
По деревьям и дачам...
Этот день, как дитя,
Просыпается с плачем.

От житья-забытья
И от звука пустого
Пробуждаюсь и я
Для раздумья и слова.

В незнакомом краю
От толчка неудачи...
Огляжусь - запою.
Но снова заплачу.

УРОКИ ПЕНИЯ

Школа.
Мальчишек ватаги драчливые.
Голодно.
Пасмурным днем
Песни про лето
И детство счастливое
Хором нестройным поем.

Грозно ярится,
Теряя терпение,
Учит, шалить не велит
Петр Петрович,
Учитель по пению,
Юный - уже инвалид.

Раненый в годы войны
И контуженный,
Сам он не пел, а хрипел
Голосом, словно
Навеки простуженным...
Все. Отучил и отпел.

Как опустели –
Засаженный сливами
Дворик, учительский дом!
Детство-то было
И вправду счастливое,
Как поняла я Потом.

Снег пошел. То, путаясь, не ладя,
То, струясь спокойно с высоты,
Воздуха мятущиеся пряди
Обретают зримые черты.

Этот стих - на ниточке наития,
Этот снег - у ветра на волне...
Нет, не автор я, а исполнитель
Музыки, мятущейся во мне.

Но за эти сбивчивые речи,
Где в родной стихии - каждый стих,
Я еще когда-нибудь отвечу.
Кто же отрекается от них?

Вот какая для сердца обуза –
В мире жить не единственным днем!
Легче быть перевозчиком грузов –
Океанским большим кораблем.

Приплываешь в знакомую гавань –

Разгружают заботы в душе.
Нагружают... Но тяжесть другая
Исключает былую уже.

Он из гавани в гавань беспечно
Проплывает свой путь не спеша. ...
Не корабль я. И пусть бесконечно
Наполняется жизнью душа.

Одинокие птицы

Помню женщину - что это было
И навек отразилось во мне? –
Улыбнулась и взгляд утопила
На мгновение в вечернем окне.
А когда подняла - озарило
Все на свете до самого дна.
Ясно сделалось вдруг: полюбила,
Полюбила кого-то она!
С той поры, после этого взгляда,
Много зим пролетело и лет,
Но уже никому я не рада,
У кого его, светлого, нет...

Явилась поздняя весна,
А с ней - тумана ворох...
И мы сидели у окна
В серьезных разговорах.

Но вот донесся новый звук
К нам с улицы во мраке —
То клены вывесили вдруг
Шумливых листьев флаги.

И, заслоня окно мое,
Безжизненно сначала,
Они, как старое тряпье,
Отвешивались вяло.

Но соки, токи шли по ним!
И полнились упруго
Они волнением одним,
Смущеньем и испугом.

И все, что делалось в окне,
Сквозь зимнюю усталость
В те вечера тебе и мне
Тайком передавалось.

О чем я спорила - тебе
Не пара и не ровня –
Давно не помню, хоть убей!
А листья эти помню.

Ты жалуешься: очень уж устал.
Чтоб не водой, а бражкой напоила,
В свою избу, а не на сеновал

Ты просишь, чтобы я тебя впустила.

Не жалуйся на жизнь. Ты - на коне.
Твой сытый конь балует и резвится.
Такого ж подводили и ко мне —
Я не смогла к нему приноровиться.

Он на меня насмешливо косил,
То, упираясь, взбрыкивал на месте,
А то в такие дебри заносил,
В какие б всадник опытный не ездил.

Не надо, проживу и без коней.
Не потому, что спешки не приемлю,
А потому, что пешему вольней
И небеса разглядывать, и землю.

* * *

Как странно ты прислушался ко мне!
Как лес - к себе в предчувствии апрелей,
Когда невольно охнет в тишине
Ком инея, обрушиваясь с ели...

Ты не меня заждался, а весну
И принял не за ту меня - другая
Идет за мной, доверчиво сияя...
И я ее, конечно, не спугну.

На лыжи встану рано до зари,
Пойду, пойду сквозь дремлющие рощи.
Когда с разбега скатишься с горы.
То на гору взлететь намного проще.

А там, за поворотом, на виду —
Поселок, электрички... И в вагоне
Остановлюсь и дух переведу:
Ушла. И не предвидится погони.

Ты станешь добрее и проще,
Твой лик осветлит листопад,
Когда отшумят твои рощи
И птицы твои улетят.

Тогда б нам и встретиться чудом!
Но только, другого любя,
Я к этому времени буду
Опять далеко от тебя.

Во времени мы разминулись
Всего лишь на несколько лет.
И только в толпе оглянулись
Внезапно друг другу вослед.

РАЗЛУКА

Этой осенью непогодь, морось...
Не опишешь всего вкратке,
Что случилось и перемололось
Здесь со мной, от тебя вдалеке.

Видел ты по лесам на рассвете,
Как у взрослых осинок порой
Осыпаются мелкие ветви
Наравне с запоздалой листвой?

Забываю и я, забываю
Добрый взгляд твоих пристальных глаз,
Как осина - побегу, теряю
Все, что помню и знаю о нас.

И хотелось бы помнить, но больно.
Потому и пою, и живу.
Что роняет душа самовольно
Эту память, как ветки, листву...

И меж нами растет расстояние,
Заполняется днями, людьми
В этой тихой поре убыванья
Листьев, света, тепла и любви.

Когда одна в своей судьбе,
Сижу я без огня,
Я так завидую тебе,
Что любишь ты меня!

Вот так завидует в душе
Стареющий юнцу,
Поэт, прославленный уже -
Безвестному певцу.

Унылый - радости людей,
Богатый - бедняку...
А ты все просишь:
«Пожалей Любовь мою, тоску».

РЯБИНА

Листва облетела - потухли леса,
Туман поседел, отсверкала роса...
И только рябина одна у села
Горячей и жгучей красой зацвела.

Над нею шумят и осина, и вяз:
«Не стыдно себя выставлять напоказ?»
Волнуясь, бормочет ночная река:
«Раскрасилась, дура, кисла и горька!»

Придет он ко мне - долгожданный мороз,
Когда на рассвете ты сникнешь от слез.
Но нет, не узнают, ни лес, ни река,
Как будешь теперь ты легка и сладка.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Я опять опускаю весло.
Ночь, темно, а просторно для взгляда.
Как таит в себе мглу и тепло
Золотистая гроздь винограда,

Так и я в себе силы коплю
Для добра и любви и для прочих
Чувств хороших... И нежно люблю
Эти мягкие южные ночи.

Так куда ж мы с тобой поплывем,
Муж мой милый, на этой лодчонке?
Вот опять мы с тобою вдвоем
Посреди серебристой речонки.

Острый месяц у неё под полой,
Шевелятся вдоль берега ивы.
И глаза твои полнятся мглой –
То ли грустной, то ли счастливой.

Говорил: «Люблю светло и свято!»
Выпал снег и вновь сошел с полей...
И сказала тихо я: «Не надо,
Не люби, а лучше пожалей.
Пожалей за то, что вышло боком
Все, о чем мечталось поутру.
Пожалей за то, что одиноко
И еще за то, что я умру...»
Удивлялся, брови поднимая,
Замыкался надолго скорбя,
И сказал с трудом: «Не понимаю...
Я, пожалуй, выдумал тебя».
И ушел навеки. Как немая,
Все молчу, уставившись во тьму:
Надо ж - удивил! - не понимает.
И сама себя я не пойму.

Нет, не друг ты мне - дороже,
Не чета ты мне - родня.
Вот зачем по бездорожью
Ты преследовал меня.
И догнал. И недовольно
Смотришь в пройденную даль:
Видеть прожитое больно,
Кинуть нажитое жаль.
А в руках и не подружка, -
Только шкурка - погляди! –
Позабытая Лягушкой...
А Царевна - впереди.

Хоть бы дали скорей отправленье!
Затянулось прощание... Жаль
Мне свое напускное веселье
И твою напускную печаль.

Знаю, знаю: лишь тронется поезд –
И мгновеньем в окне пролетят
Твой кивок, твой потерянный голос,
Но уже проницательный взгляд...

И откроется поздняя осень.
Одинокие птицы кружат.
И листвы рыжеватая осыпь
По дорогам лежит, словно ржа.

Степь. Знакомые сердцу могилы.
Вся еще золотая стерня...
Память детства и родины милой
Незаметно обнимет меня.

И, открыта природе, движенью,
Вдруг услышу, что тихо пою...
Не сменяю свое поражение
На победную радость твою.

Это я пред тобой виновата,
Что, порушив духовную связь,
Я тебя полюбила, как брата,
А взяла и женой назвалась.

Обозналась. Смутилась душою...
Но и ты предо мной виноват,
Отозвавшись на имя чужое,
Я не рада, и ты мне не рад.

Ходит дождь по следам снегопада
И уныло твердит невпопад:
«Это я пред тобой виновата,
Это ты предо мной виноват...»

И вновь, прямой, влекомый высью,
Зарделся тополь у реки...
С него тогда слетали листья,
Что календарные листки,
Так, словно в сутки проходило
Не меньше месяца и двух...
А, впрочем, так оно и было,
Пока твой голос не потух,
Не затерялся в непогожих,
Померкших далях нежный взгляд,
Как эти листья...
Для кого же
Сегодня вновь они летят?

Твои - и горы, и чащобы,
И я сама, и весь мой дом,
И озираюсь я кругом:
Что подарить тебе еще бы?

Но все подарено уже,
Что есть вокруг - не отдариться!
Есть у меня тайник в душе...
Но он тебе не пригодится.

И как подумаю о том,
Мне все немило отчего-то,
Себя и горы, лес и дом –
Все у тебя отнять охота.

Кому в такую рань не спится?
То плач доносится, то зов...
Снуют, как погорельцы, птицы
У полыхающих лесов.

Кружат, кричат... Раскрою ставни,
Пройдусь по листьям у окна.
Полнеба в зареве. В тумане
Сырая даль растворена.

Дорога во поле струится.
Любовь за юностью ушла...
А память мечется, как птица,
Вокруг остывшего тепла.

Капнет быстрая капля весенняя
В кадку, полную талой воды, -
И рассеется в ней на мгновение
Отражение ближней звезды.

Свистнет поезд, взметнется метелица,
Треснет ветка в лесной глубине —
И тогда на мгновенье рассеется
Образ твой, отраженный во мне.

И пока он отсутствует, слушаю,
Осязаю, не видя, везде
Только эту звезду утонувшую
В искаженной холодной воде.

Подруге

1

А ты все смотришь на меня
Со дна своих печалей –
В ночи глубокой, шуме дня
С бедою за плечами.
В таком краю в твоей судьбе,
Где долго ты не пела,
Куда на помощь я к тебе
Когда-то не успела...
Меня за это не виня
И не коря молчаньем,
Ты просто смотришь на меня
Со дна своих печалей.

2

Это тело, что ты износила,
Эту душу, что не сберегла –
Все с весеннею грязью смесила,
Все покрыла забвения мгла...
Как бездарны стихи эпитафий

За рядами железных оград!..
И глядит на меня с фотографии
Твой пытливый, кокетливый взгляд,
Словно в милые очи глядишься...
Так легка ты, как будто бы ждешь:
Хлынет ливень - и враз растворишься,
Дунет ветер - и вмиг упорхнешь.

ВЗРОСЛЕНИЕ

Друзья твои - милые люди.
Да что-то тебе невдогад,
Зачем за спиной тебя судят?
И что «отсудить» норовят?
Доверье... Кругом оглядишься,
К чужой примеряясь судьбе,
И так от себя отрешисься,
Что ночью приснишься себе.
Приснишься пустою, как платье —
На проволоке бельевой,
Раскрывшая миру объятия...
В объятиях - вихрь столбовой!
И сделает месяц три круга,
Пока различишь берега
И расположение друга,
И расположенья врага.
Исчезнут случайные люди,
Лишь кончится в доме вино.
Доверье... Его не убудет —
Разборчивей станет оно.

Почувствовав взгляд, оглянусь я —
И тут же увидится мне
Старушка пожелклая, с грустью
Застывшая в чьем-то окне.
Глядит сквозь немые стекла
На день, утонувший в чаду,
На площадь, где я одиноко
С тяжелой авоськой бреду...
С таким выражением света
Глядят на земные пути,
Чтоб крепко запомнить все это,
За час перед тем, как уйти.
И вздрогну от мысли нелепой,
Что, следуя в небытие,
Мой образ случайный в то лето
Остался в сознание ее.
Что может, с собою в дорогу
Взяла она что-то во мне,
Душою повернута к Богу,
А ликом - к родной стороне.

Друг друга не восполнить...
Знаю повесть,
Как вышла замуж сбитая с пути,
Когда-то обещанная совесть

За ум, что не по совести в чести.
Двуличен был союз их и неясен.
Им то сума грозила, то тюрьма,
Поскольку ум без совести опасен
Не менее, чем совесть - без ума.
Мне повесть эта многое открыла...
Да, горя не избыть нам, не исчезеть,
Пока в загоне горбится уныло
Хоть чья-нибудь поруганная честь.

Чистая сила

Много песен, не спетых утонет
И напрасных тревог отболит...
Да, неужто рассудок упомнит
Все, что сердце нам делать велит!
И оглянешься позже когда-то
На себя, и на даль, и на близь:
Неужели вся эта растрата
Дней и лет называется жизнь?
Нет же, нет! Где б тебя не носило
Время шло в неслучайной борьбе.
Есть незримая чистая сила,
Что сочувствует тайно тебе.

* * *

Проживаю в лесу. А в лесу по весне
Птичьим гомоном день начинается.
Нынче птица в моем распевала окне...
Вот бы знать, как она называется!
Золотая корона из трех волосков,
Голубые парчовые перышки...
Как же много несхожих живет голосков
У пичужки в серебряном горлышке!
Но один из них - грустный - в сознание мое
Закатился с утра, как горошина...
Это - редкая птица: душа у нее
Не простая - большая, хорошая.

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты как живешь, трудяга муравей?
Накапливаешь опыт для потомства,
Как лист мариновать и теплых тлей
Выращивать в заботах «скотоводства».
На промысел выходишь поутру,
Принюхаешься, усики поправишь –
И в путь! И до темна в свою нору
Подтаскиваешь, двигаешь и тянешь.
Работничек! А ты меня прости:
Я над тобой посмеивалась, право,
Бывало палки на твоём пути
Раскладывая в детстве для забавы.
Я вышла в дали памяти своей
И, озирая снег высокогорья,
И малосольный воздух Черноморья,
И пыльный злак засушливых степей,
Вдруг забрела в один из летних дней,
Где очень озадаченный и хмурый,
Упавший с палки старый муравей

Дух переводит перед новым штурмом...

* * *

Туман, мокрогодица,
Осенние дела...
Когда все это кончится?
Неделями ждала.

И вот в начале третьего
Я глянула в окно
И солнышко заметила
Или меня - оно.

И переглядкой этою
Жива я десять дней
До нового просвета
На улице моей.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень, ты рада,
Что обрела невпопад
Для отгоревшего сада
Этот немаркий наряд?
Серое что-то надела...
Нынче почудилось мне:
Отзвуки дня то и дело
Вязнут в его волокне.
Тихо. Как серая вата,
Облако. Гуси - и те
С плачем летят, воровато,
Все по ночам. В темноте...

Был мороз:
Жизнь надломлена в чаще.
Только слово скажи,
Только тронь –
И летит, золотой и пропащий,
Поздний лист на осенний огонь.

Было: крикну –
Обрушится осыпь
С красных кленов,
Прекрасных до слез.
Было: трону –
Уносится осень
Тонкой стайкой
С плескучих берез.

Эта роща –
Что было, то было! —
Отзывалась на пенье мое.
Я отзывчивость эту любила,
Принимая за чуткость ее...

А теперь,
Я молчу в этой чаще,
Ничего я не трогаю в ней.

Но летит, золотой и пропащий,
Поздний лист,
Обрываясь с ветвей.

ПРИТЧА О ПОПУГАЕ

Истомился в клетке попугай.
Вид чужой неволи угнетает.
Растворила клетку я: пускай,
Думаю, по дому полетает.
И на сердце сделалось светло...
Возвращаюсь вечером с работы –
Попугай разбился о стекло,
Бросившись за призраком свободы.
Этот случай, холодом сквозя,
Попрекает изредка: повинна!
Я тогда не знала, что нельзя
Птиц освобождать наполовину.

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

По улице проехала телега.
Коняге на унылые бока
Ложились хлопья тающего снега
И не было в телеге седока.

Наверное, какой-нибудь прохожий,
Застав коня случайно одного,
Задумал пошутить: подергал вожжи
И по-хозяйски цокнул на него.

И конь пошел, пошел неторопливо,
Понюхивая мерзлые следы.
Наверное, по-своему счастливый,
Что нынче он не чувствует узды.

Но пары ярких фар - одна, другая,
Из утренней выныривая мглы,
Неслись к нему, горя и не мигая,
Заборы огибая и углы.

Конь пятился. Отфыркиваясь паром,
Телега подступала тяжело,
И вдруг, полу ослепшего, на фары
Машин его зачем-то понесло.

Забывшего дорожные системы,
Где, всяк держись потока, стороны,
Его несло на клумбы и на стены
И вновь - до клумбы, тумбы и стены...

Ударил выстрел правильно и жестко.
И встало все на прежние места.
Виднелись в опрокинутой повозке
Отходы пищевые для скота.

Подъехал грузовик, подняли разом
Коня, телегу. Вилось воронье.
И конь смотрел уже остывшим глазом
На краткое безумие свое.

ПАНЦИРЬ

Вот рачок вдоль речки ковыляет.
Мал еще, но панцирем оброс.
Что с того, что панцирь защищает:
Он надолго сковывает рост.

Я рачку советую: «Бросай ты
Панцирь свой тяжелый! Он таков,
Что тебя не очень-то спасает
И от самых маленьких врагов!

Вырастешь огромным ты назавтра,
Ил отмоешь с мордочки и грязь.
И пойдешь, похож на динозавра,
Никого на свете, не боясь!»

Рак вздыхает: «Панцирь много значит.
Ведь враги больши-и-е у меня...»
И глаза задумчиво таращит,
Горестно усами шевеля.

СТИХИ О ЖЕЛЕЗНОВОДСКЕ

Разновысокие дома
В листве, желтеющей зарыты.
Дворов глубоких полутьма
С бельем и теплым духом быта.
Средь неожиданных ходов
И многочисленных ступеней,
Впитавших зной и холодок,
Дурманы всех былых цветений, -
И заплутаться здесь не грех.
В тот праздник радостный, нежданный,
Когда уже созрел орех
И осыпаются каштаны.
Стуча в полдневной тишине,
Царящей на исходе лета,
По плитам пористых камней,
По крышам, солнцем разогретым;
Когда внезапно наугад
Сорвется лист паляще-красный,
Кружа и плавая в пространстве
К себе приковывая взгляд...

Веток осенних пучок.
Солнышко посередине, -
Как золотой паучок,
Виснет в своей паутине.

Вот остановится, вот,
Ветви неслышно качая,
В них домовито снует,
Перебирая лучами...

Нравится осенью мне,
Миру доверившись слепо,

Молча в лесной тишине
Слушать природу и небо.

С каждой букашкой дружить
И ничему не дивиться,
Видя, как белую нить
Тянет железная птица.

СНЕГОПАД

Тишина. Даже слышно, как свет
От земли белоснежной струится.
Даже слышно, как падает снег:
Покружит, покружит и ложится.

Хорошо-то как, Господи... Грусть
В снегопаде неспешном и вольном
Или радость - не знаю, боюсь:
Мне от них одинаково больно.

Как легко в эти дни я тружусь!
Не хожу, а летаю как будто.
Покружу, покружу и ложусь.
И опять начинается утро.

И опять в продолжение вчера
Светлый путь совершаю по кругу,
И опять, начиная с утра,
Свет и снег переходят друг в друга.

МАРТОВСКИЙ САД

Ожил сад. Непривычно,
Но понятно душе,
Что в саду этом нынче
Не одна я уже.

Он прозрел осторожно
Среди серого дня
И впервые тревожно
Поглядел на меня.

Поглядел, застыдился
Вдруг своей наготы...
Зимний день зацепился,
Уходя, за кусты.

Клочья снежной остуды
Держит вишня в горсти.
Это тихое чудо
Скоро будет цвести.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Мы не ждали грозы.
Мы не верили мгле.
Разве только цветы полевые,
Жалко скорчась в пыли,
Прижимались к земле,
Прикрывая глаза голубые.

Помню: с треском сухим
Загорался и гас
Белый свет в порыжелом бурьяне.
И, простреленный молнией,
Воздух потряс
Гром, упавший на дальней поляне...

Ты стоял и смотрел,
Потрясенно смеясь,
Как спирали раскручивал ветер,
Как насккивал ливень
И втапывал в грязь
И листву, и бурьян, и соцветья...

Но отходчива летом гроза.
Вдалеке
Громыхнет, заворчит напоследок,
Широко раскрывая круги на воде,
Горсти капель
Обрушается с веток

И последняя дрожь
Пережитых чудес
Пробежит по листве торопливо.
Отряхнется, как пес,
Перепуганный лес
И опять распрямится счастливо.
И забудется снова
Своим полусном...
Только я не забуду, возможно,
Что с грозой ты был
В этот день заодно,
А не с лесом моим осторожным.

ПОЙМА РЕКИ КУМЫ

Каждый дом в шеренге молчаливой
Из-под крыши, как из-под руки,
Зорко загляделся на разливы
Взбалмошной, проказливой реки.
Пусть, Кума теперь совсем другая,
Нрав смирила гордая Кума, -
На ее соседство, не мигая,
Смотрят осторожные дома.
Но уже смелее год от года,
Заселяя пойму у воды,
Вырастают пышно огороды
И укореняются сады...
Нет, Кума, не зря ты разливалась,
Не бывает худа без добра:
Где весной ты грозно поднималась,
Там земля особенно щедра.
И сама я, кажется, другая:
Поутихла, в русло ухожу.
На свои былые берега я
С пристальной надеждою гляжу.

ОКТАВЫ

Погружен в тупое ожиданье

Отпуска, полочки и весны,
Думал ты, что вырос на окраине
Социалистической страны.

Грамоты, собрания и воззвания –
Все ушло за сменой знамен...
И стоишь ты тихо на окраине
Апокалиптических времен.

Красота, говоришь?
Тщета.
Не спасет она мир, пропавшая.
По рукам пошла красота,
Словно знамя переходящее –
За валюту и за вранье.
Рано праздновать воскресение.
Нынче время - спасать ее,
Чтобы ждать от нее спасения.

Грозный век настал. И, может статься,
Оскудеет сердцем я и ты.
Боязно, порой, не досчитаться
В нем участия, счастья, доброты...

Вот и озираю то и дело
Кладовые собственной души,
Как больной - свое больное тело,
Чтобы убедиться, что он жив.

Весной беспокойною дышит
Веселая листвьев возня...
И спорят деревья, кто выше,
Друг друга ветвями тесня.

Не спорьте об этом, не надо!
Грозою встревожится тьма –
И молния огненным взглядом,
Кто выше отыщет сама.

ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ

Хмурится солнышко в небе рассеянно.
Сад обобрали вполне...
Гляну на все - и усталость осенняя
Передается и мне.
Но ненадолго. Огромной лучиною
Солнышко высветит тьму...
Видимо, радость моя беспричинная
Передается ему.

- Где нога твоя, деда Игнат?
- На войне потерялась она.
- Так сходи на войну за ногой!
- Не найду и вернусь без другой.

И сидят на полу, говорят

Мальчик Гена и деда Игнат.
И тачает Игнат сапоги
Внуку Гене на обе ноги.

Ты говоришь, подаришь жизнь...
Не надо
Обязывать подарком дорогим.
Не сторож я ни слову и ни взгляду,
Ни помыслам, рассеянным твоим.
Не сторож. Потому не обещаю,
Что сберегу подарок навсегда...
Не дарят жизнь, но, может, посвящают,
Как повесть посвящают иногда.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Поговорили с ним о пролесках.
О видах стройки за окном,
А на душе, как после обыска,
Все перевернуто вверх дном:
Туманных дней моих размоины
И пятна черные ночей,
И ощущение беспокойное
Борьбы, что кончилась ничьей.

На бетоне, под плоскою крышей
Вью гнездо, создавая уют.
Несравненно, значительно выше,
Где обычно пернатые вьют.

Породнит меня с ними отныне
Чувство ужаса, - смерти сродни:
Как с птенцами я буду моими?
Ведь совсем же без крыльев они...

Говорят, расцвели перелески,
Блики солнца роятся в лесу...
Вот сошью я из них занавески
И сестрице своей отнесу.

Будет вьюга свистеть и метаться.
Глянет Надя зимою в окно
И увидит, как блики роятся
От листвы, облетевшей давно.

Почем твой хлеб
И как он достается,
Я знать хочу,
Теряясь перед ним,
Особенно — во время хлебосольства,
Где потчуют
Чужим, а не своим.
Почем твой хлеб?
Минуя междометья,
Поведай мне

Про все твои труды,
Тревоги повседневные...
Ответь мне,
Почем твой хлеб –
И я скажу, кто ты.

- Уж весна, а снег, однако, -
Молвила она.

- Пусть идет, - сказал он, - влага
На поля нужна.

Кто приехал бы откуда,
Скучно без людей...

- Был бы хлеб, а мыши будут, -
Он ответил ей.

Оставь мне память о былом
Хорошей и неполюванной...
Я не жалею ни о чем,
Когда приходишь ты с повинной.

Неважно, из двоих - к кому
Ты вдруг спиной повернулся...
Не то изменой я зову,
Что ты ушел, А что вернулся.

СНЕГОВИЦА

Сколько снега в сердце было,
Что хватило бы на всех!..
Человека полюбила
И затаил этот снег.
Вот и плачь теперь, сестрица!
Слезы – талая вода.
Умывайся снеговницей –
Будешь вечно молода.

Однажды мне увидеть довелось,
Как тщила птица склевывать с картины
Правдиво нарисованную гроздь
Ядреной ослепительной рябины.
Вот так и я стихи твои с листа
Читаю – не найти живого чувства!
Зато так много всякого «искусства»!
То гляди, обманешься спроста...

В СТЕПИ

Снилось мне: степь да степь неоглядная,
Вьюг и бесов хохочущий лет.
Конь храпит и идет на попятную,
Ну а ты его гонишь вперед!..

Я проснулась. Ты куришь рассеяно,
Положив на баранку ладонь.
Степь да степь... И несется уверенно

Твой железный сверкающий конь.

Когда леса, подлесок и кусты
С налету перешаривает ветер, -
Что ищет он? Что вздрагиваешь ты,
Во сне услышав шорох на рассвете?
Не знаю, сплю... Но, глянув в очи звезд,
Движением на миг твой сон нарушу,
Чтоб этот вихрь случайно не унес
Твою остановившуюся душу.

ЗНАКОМОМУ ПОЭТУ

Восхваляешь не любя,
А любя - казнишь сурово,
Вот и злишься на себя,
Как собака - на чужого,
Вот и мстишь себе в гульбе,
Раздвоившийся по сути,
Как потерянные люди,
Изменившие себе...

Кое-где тускнеют звезды
В грязных тучах городов...
О, души унылый роздых
От сизифовых трудов!..
Храмов нет - сжиты со света -
И разбиты образа...
Лишь осталось небо это,
Устремленное в глаза.

ДОРОГА К ХРАМУ

Кто-то спросит в толпе:
- Далеко ли до храма?
- Может, десять минут.
Если только ногами идти.
Если сердцем идти..., то не знаю.
Но знаю, что прямо и прямо!
И что можно совсем не идти
И загинуть в пути.

То с нетерпеньем, то со злобой
Глядим окрест,
Ища порою, на кого бы
Взвалить свой крест...

Зачем, душа моя? Не надо!
В тебе самой -
Помощник твой, твоя отрада -
Спаситель твой!

С дорогими своими расстался
И полвека в скитаньях сгубил...
Все видал и всего наглotalся,
Всюду был и везде наглупил.

Вышли силы, не радуется водка...
Но остались еще времена
И о ближних заботиться кротко,
И чужие носить бремена.

Мир действительный, мир отраженный,
Отраженный в сознание моем -
Оба слились в один, искаженный...
Как мне жить и надеяться в нем?

Но живу, но надеюсь и верю,
Но ищу и покой, и уют
Там, где бродят безнорые звери
И безгнездые птицы живут.

Будто бы вымерла высь.
Вот и закончилось лето.
А для цветов-однолеток
Нынче закончилась жизнь.

Я человек, как и ты,
С болью в подавленном вздохе
Переживаю эпохи
Переживаю цветы.

**«Сокровенно раскрытая книга»
ЕВАНГЕЛИЕ**

На костре отгоревшего дня
Только алое это светило,
Как последняя головня,
Все еще до конца не остыло.

И гигантский, и сумрачный луч,
Озирая чашобы и недра,
Напоследок взглянул из-за туч
И погас от случайного ветра.

Ночь настала. Уже без огня,
Все ко сну и покою клонило.
Это было сильнее меня,
Я померялась и уступила.

Все насущное скрылось во мгле,
Где и времени нет, кроме мига...
Лишь мерцала в углу на столе
Сокровенно раскрытая Книга.

Золото, книги, цветы,
Запах камина нагретого,
Тонкие вина и ты –
Сторож и раб всего этого.
Гости собраться должны,
Тоже рабы и охранники
Дачи, машины, жены,

Места в доходном предбаннике...
И зазвучит похвальба,
Сытая песня расхожая,
Будто Россия - раба...
Да. Но не ваша,
А - Божия.

В ЛЕТО 1989

1

Воздух Родины взрывчат и мглист.
Хрупкий мир ощутимо надколот.
И такой оглушительный свист,
И такой истерический хохот
Разразились, страну сотряся,
Что у слабых рассудок петляет.
Словно, нечисть былинная вся
Свой разнузданный шабаш справляет...
Нет поэзии места - и слух
Занят юмором желтым и черным.
И то взлетом захвачен наш дух,
То паденьем позорным.

2

Метя в души глумливым словцом,
Пораженья равняя с победами,
Натравили детей на отцов
И отцов перессорили с дедами.
И, накинув удавки плотин
На умы и речные извилины,
Завопили средь русских равнин:
«Ваши души и реки заилены!
Вы - рабы богоизбранных рас!
Мы - свободы и судеб вершители!» ...
Только плохо вы знаете нас,
Мало знаете нас, разрушители.
Не рабы мы, хотя б потому,
Что ни явно, как вы, ни украдкою
Не спешим на поклон ни к кому
За дешевою жизнью и сладкою.

3

Все у нас, говорят, не годится,
Что в России у нас - не житье...

А в пословице говорится:
Та худая и глупая птица,
Что марает гнездо свое.
При любом, повторяю, режиме:
Низость - хаять родные края.

Сыт не будешь хлебами чужими
Лучше - корка, да все же - своя.

В САМОЛЕТЕ

Какой намалеван румянец
На лицах российских матрен,
Как жалок коммерческий глянец...
Рабыни новейших времен!

Как воздух опасно загажен,
Как лес и народ поредел!..
Над Родиной - дух распродажи
И древних границ - передел.

Гляжу я на землю, взлетая,
И кажется мне без конца:
Не туч надвигается стая,
А простынь - на лик мертвеца.

Что дорого было когда-то –
Все кануло в небытие.
И только огарыш заката
Горит в изголовье ее...

Там, в дальних краях атмосферы,
Мы гибнем в неравном бою
За нашу тревожную веру
В бессмертную душу Твою.

Места, знакомые до слез,
Глухая память детства,
Ленивый кот, брехливый пес –
Вот все мое наследство.

То снег повалит, то родня –
Считай лишь, кто да сколько...
Нет прав наследных у меня –
Обязанности только.

В моей ограбленной стране,
Где правят «бакс» и «ксива»,
Жива - и счастлива вполне,
На воле - и спасибо.

Грянут оркестры, а ты и не рада.
Встанешь впотьмах и захлопнешь окно:
Солью труда и словес рафинадом
Перенасыщено сердце давно.

Только и счастья - пространствам внимая,
Знать, что в душе не двоишься за грош:
Та, за кого ты себя принимаешь,
Та ж, за кого ты себя выдаешь...
Праздников нет - лишь высокие даты,
Что утомительней будней иных.
Только и радости - вспомнить когда-то
Горечь полынную песен родных.

Только и песен почти что, не знаешь
И не уймешь самомнения лесть:
Та, за кого ты себя принимаешь –
Вовсе не та, что ты, в сущности, есть...

Этот август по улицам мирно плывет.
Жарким хлебом, вареньем и солкой,
Как поспевший пирог, так в лицо идохнет,
Только день приоткроев духовку.

Сохнут красные сливы в жаровнях больших,
Став на солнышке месивом сладким.
Хлопотливые мухи садятся на них,
Потирая передние лапки.

Быстро Клава соседка в окно поглядит,
«Скоро осень», — промолвит и снова
Для зимы консервирует, варит, солит,
Словно для великана какого...

Лень воскресная свяжет меня по рукам
И со свежей крикливой газетой
Я усну. И приснится мне злой великан,
Поедающий красное лето.

Там, в столицах, витийствуют вождь и поэт,
Ищут выхода, входа и смысла...
А у Клавы от этого сахара нет
И недавно варенье прокисло.

ИНФЛЯЦИЯ

Заложил сперва колечко мамино
И медали выкрал у отца,
Но сгорели деньги синим пламенем
Прямо в кошельке у продавца.

Продал отчий дом и продал Родину,
И невесту сдал в кордебалет.
Снова появились деньги вроде бы,
Но, как порох, вспыхнули - и нет.

А вчера пришел купец от дьявола
И заводит речи о душе,
Предлагая «баксы» - и немалые! -
Нечего закладывать уже.

Впал от сожаления в бессонницу
Юный, оборотистый дебил
Не о том, что душу продал в розницу,
А о том, что чуть продешевил.

ЗАТМЕНИЕ

Преградивший огромное поле
Ясноглазых дружинников строй,
Полыхнувший щитами на воле —
Чешую своей золотой...

Любо князю от края до края
Было воинство видеть свое.
Только слышит он: твердь обмирает,
Див хохочет, и гнется былье...

И явилось князю виденье,
Предвещавшее лютое зло:
Наползало затмение и тенью
За челом омрачало чело.

Цвет землицы - у воев на лицах –
Мертвецов нескончаемый ряд.
Погребенные очи в глазницах
С укоризной на князя глядят.

А над Русью, по страшным дорогам,
Смерть пирует в стенающей мгле.
Ждя и Карна с карающим рогом
Разливают огонь по земле...

Миг - и войско исчезло из виду,
В Диком поле, вскружа воронье,
Разбудившее Деву-Обиду
И уснувшее вместо нее.

...Князь без боя вернул бы вас, братья,
Но насмешек боялся зело:
Мол, пенял на распутицу в марте,
Вышел в мае - затмение нашло...
Князю славы и чести дружине
За чертой укрепленных твердынь
Шли искать - не вернулись донныне:
«Князю-слава, дружине-аминь».

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

В толпе слепых и бесноватых,
Хромых, гугнивых и глухих
Искали вечно «виноватых»
И «находили» часто их...

Когда б Христос стоял меж нами,
Слепых вождей мы отреклись.
- Кто виноват? - спросили б.
- Сами.
- Что делать?
- Каждый исцелись.

«Ну что ж, - вы скажете, - не ново:
Средневековье, старина...»

Две тыщи лет все то же - Слово,
Все та же Истина. Одна.

ВЫБОРЫ

Чем прогневали Отца?
Равнодушием? Едва ли...
Не плели Ему венца
И гвоздей не забивали.

Но виновны. Оттого,
Что, глаза на расправу,
Завопили: «Не Его!
А разбойника Варавву!»

Так доньне: торжество
То у левых, то у правых,
Что избрали не Его,
А «разбойника Варавву».

* * *

Не однажды картину мрачную
Я видала в толпе дневной:
Судят правого, бьют лежачего
Самосуды молвы дурной.
А вблизи лежит вне раздумия
Русский йог и в пространство зрит.
- Что ты делаешь?
- Позу «мумии», -
- Успокаивает, - говорит.
Помню, в дни и глухие, и скверные
Мне встречались то тут, то там
Люди темные, суеверные
Не по селам - по городам.

ЛОЖНАЯ ВЕРА

Есть у веры двойник, к сожаленью,
Это - вера во все, что не Бог.
В ней причина людских заблуждений,
Наваждений и ложных дорог.

Да не этой ли верой ведома
И об истинной вере скорбя,
Я бежала из отчего дома
Верить в чудо, в людей и в себя?

Чтобы после на торжищах мира,
Наглотившись сомнительных книг,
Создавать вдохновенно кумиры...
Плачу я на развалинах их.

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Сыта плодами суеверий,
Молвой отравлена вконец,
Стучу я в запертые двери:
«Не оставляй меня, Отец!»

А духи злобы то и дело
Теснят, судилище верша:
«Молчи, юродивая дева!
Уймись, погибшая душа!»

Но восхищается все выше
Она в иное бытие,
Уже не видя и не слыша
Злых истязателей ее...

Туда, в просвет лазурно-синий
Сквозь чад беснующихся царств,
Куда восходит вся Россия
Путем невиданных мытарств.

След во след

Свет гнилушек на топком болоте
Принимая за истинный свет,
Не спасетесь, пока не пойдете
До конца за Спасителем вслед.

След - во след. И не дальше, не ближе.
След - во след. И Спаситель спасет.
А иначе вонючая жижа
Позовет, увлечет, засосет...

Тишь за окнами ночью нарушит
Песня пьяная. Выстрелы. Вопль.
Это чью-то заблудшую душу
Поглотила бездушная топь.

В ХРАМЕ

Молились, верили, молчали.
И Слово сеялось, звуча...
Но «со светилы и свечами»
Вошли вы, громко топоча.

Ты в храм привел искавших «чуда»
Врага и друга твоего...
Не так ли воинов Иуда
Привел к Нему,
Чтоб «взять» Его?

Он вышел. Воздух шевельнулся.
Враги попятились, друзья...
- Кого вы ищете?
- Иисуса...
- И Он ответил:
- Это Я.

ЛАМПАДА

Ты отличал в потемках сада
Плоды добра от плевел зла,
Пока с тобой твоя лампада –
Светильник совести - была.

Стоишь во тьме среди распада...
Но звезды светят там и тут,
Как будто ангелы куда-то
Свои светильники влекут.

Душа, как пойманная, бьется
От каждой тучки небольшой.
Вот каково тебе живется
При свете совести чужой.

Мне показалось вначале,
Будто сама я пою...
Нет, это демон печали
Выдохнул песню мою.

Может быть, ею сказались,
Душу исполнив тоской,

Ревность, уныние, зависть,
Поиски славы мирской?

Может, у них я в неволе
Целую ночь пробыла
Лишь проводницею боли,
Тонким орудием зла?

Много ли надо отваги,
Чтоб отрешиться вполне
От оскверненной бумаги?
Сжечь в полыхнувшем огне!

И улыбнусь отчего-то
Глянув на вспышку огня:
Вот она - ваша «свобода Творчества» ...
Не про меня.

Зачем на погибающей земле,
Погрязшие в прокорме и заботах,
Все наши мысли роются во зле,
Как черви - в застарелых нечистотах?
Но все же отвлекаются от зла,
От поисков несправедного хлеба,
Лишь только зазвонят колокола
И радуга раскроется в полнеба,
Как Царские врата...
И к нам в сердца
Вдруг помыслы слетаются благие,
Что Ангелы, сияя в небесах,
Божественную служат литургию.

ПИСЬМО

Пока я стирала, ходила за хлебом,
Пока поливала свой сад,
Оно, словно пуля, направилось слепо
Сюда, где живет адресат.
Скрывая насмешку холодную, злую,
Оно пробиралось ко мне
В толпе среди писем, где шлют поцелуи,
Стихи и поклоны родне.
Оно замышлялось четыре недели,
Скиталось одиннадцать дней
И вот оказалось почти, что у цели –
На улице мирной моей,
Чтоб душу убить или сделать уродкой,
И веру отправить на слом...
Но Ангел-Хранитель с улыбкою кроткой
Укрыл ее нежным крылом.

Лишь заслышишь меж людьми –
Хуже лживого и злого –
Лести приторное слово
О «признанье» и «любви»,
Словно в зеркале, тогда
Оглядишься при этом звуке:

Оскверненные уста,
Окровавленные руки,
Необузданные страсти,
Век, потраченный, как миг,
В из безумствующей власти,
Темных мыслей воронье,
Чувств зияющая пропасть,
Малодушное вранье,
Нераскаянная гордость,
Жизнь без цели и труда
В грязном сонмище разврата
И невнятная вражда
С тем, что истинно и свято...
Измаравшись, нагреша,
В грязном рубище убогом
Как предстанешь перед Богом,
Обольщенная душа?

Всем святым, в земле
Российской просиявшим
Что было в прошлом, то - в настоящем.
Нет нового на свете ничего.
Как грибки, рассеянные в чаще,
Все в этом мире ищут своего
Лишь благосостояния земного...
Но есть еще светильники во мгле –
Им не свое богатство, а Христово
Дороже всех сокровищ на земле.
Пусть мир их презирает, как юродство, -
Лишь к ним, когда уныньем смущена,
Как к свету, отражающему Солнце,
В ночи моя душа обращена...
Какие б вьюги в мире ни сквозили,
Какое б зло нам ветер ни принес –
Сияйте, дорогие, над Россией,
Как в вас изобразившийся Христос!

Не поется: не время, не место...
Наблюдаю, в себе затаясь,
Что во всякое дело, как в тесто,
Незаметно мешается грязь.

Присоседились к мужеству гордость,
К дару - зависть, готова загрызть.
К милосердию повадилась подлость
И пристроилась к правде корысть.

Червь - во всем... Ничего мне не нужно!
Отвращаются очи мои
От запятнанной выгодой дружбы,
От залапанной блудом любви.

От молвы, от пустого общенья,
Обдающего душу тоской,
От злоумия и лжеученья,
От позорища славы мирской...

Только - шорох тревожимых листьев,
Только - трепет молитвы в груди:
«О, Владыко, от тайных очисти
И от чуждых меня пощади,»

Когда устанет сердце
Искать единоверца,
Поработится ум
Властителями дум.
И пересохнут речи,
Покинув устья уст,
В очах погаснут свечи
И станешь мертв и пуст,
Жесток и неподсуден
Для тихого стыда...
Нет! Этого не будет,
Надеюсь, никогда.

Не унывай, моя отрада!
И впрямь дорога тяжела...
Повсюду внутреннего лада
Искала я и не нашла.

Нашла в соборе я потерю
Среди намоленных икон,
Того, что каждому по вере
Давалось даром испокон.

И это свьше подаянье
Вдыхалось в душу не одну,
На расстоянье покаянья –
На широту и глубину.

В России - пост. А за окном
Лишь полночь - звуки битвы:
Стреляют в небо... А оно
Открыто для молитвы.

Крича безумно и хмельно
Туда, где звезды светят,
Стреляют в небо... И оно
Когда-нибудь ответит...

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Сорок лет по чаще да болотине
Мира, утонувшего во зле,
Я искала Родину на родине,
Свет - во мгле и Небо - на земле.

И нашла все это, как ни странно я, -
Истинное место для житья...
Вот она - земля обетованная -
Церковь православная моя!
Алтаря священные служители,

Духом овеваемы святым –
Кроткие земные небожители!
Аллилуйя и кадилый дым,
Плачущего сердца предстояние
Пред Отцом Небесным и во мгле –
Огонек немого осознания,
Что лишь в этом - счастье на земле...
Мне идти путями серебристыми
С тайным озарением в душе:
Тем, кто видел Свет во свете Истины,
И слова не надобны уже.